Литература Приамурья в Instagram

От редакции. Сегодня амурские литераторы делятся своими произведениями в Интернете не только на страничках специализированных сайтов типа «Стихи.ру» и «Проза.ру». Немало поэтов и прозаиков ведут свои страницы в *Instagram*. А ещё в этой социальной сети появляются проекты, на страницах которых можно прочитать о самих литераторах и о событиях в литературе Приамурья. Представляем вашему вниманию два таких начинания.

Одно из них – *«Савинкин календарь»*, который Павел Савинкин ведёт с 1 января 2021 года. Среди множества замечательных постов этого календаря мы отобрали для публикации 11, посвящённых амурским литераторам и книгам.

Другой проект – *«Владеющие словом»* (о выпускниках БГПУ) – ведёт в своём аккаунте Наталия Киреева. В трёх публикуемых постах – речь о тех, кто нашу литературу создаёт и исследует. А если есть желание прочитать другие тексты этих авторов – переходите на их странички: @pa.savinkin и @nataly_blago.

Павел САВИНКИН

председатель правления Амурской областной общественной писательской организации Союза писателей России

САВИНКИН КАЛЕНДАРЬ

22 января

– Ну ничего себе, – думаю. – Нашёл Слава, что написать! Мол, про тебя тут всё…

Прямо так и написано, цитирую: «Книга про Пашу на память Паше!»

И опять стал перелистывать, ну, может, что-то пропустил… А перелистывая и опять пробегая глазами по уже прочитанным строчкам его повестей и рассказов, начал убеждаться: действительно, про меня написано! Не так чтобы уж совсем напрямую, а всё же… Где-то характером на героя похож (так же при случае психануть могу), где-то поведение чуть ли не с меня срисовано… В общем – то в одном, то в другом действующем лице лециковых опусов стал себя узнавать.

Вот ведь какой мудрец этот Лецик: всех насквозь видит, всё про нас знает! Он ту давнюю, первую свою книжку («Пара лапчатых унтов»), где на обложке его шаржированный портрет, мог бы любому подписать, что это книга про него! Там что ни персонаж – то мы с вами. В разном обличье, в разных ситуациях, но – мы.

(При этом, сами понимаете, я говорю о положительных героях.)

Что ещё… Ещё… Ну не писать же о том, что знакомые с Лециком люди давно и прочно находятся в орбите его обаяния, что он изумительный стилист, – его произведения невозможно читать быстро – только неспешно, с наслаждением; что у него превосходное чувство юмора, что он тонко чувствует Слово – как редактору ему нет равных, что он великолепно декламирует стихи (особенно свои), что он просто замечательный – добрый и надёжный – человек…

Впрочем… Почему бы и не написать… Хотя бы несколько слов…

22 января глубокоуважаемому амурскому литератору и очень строгому, въедливому редактору Владиславу Лецику – 75! То есть, сегодня – День Славы!

Владислав Григорьич! Ты – глыба!

5 марта

Если не знаете, почему ортодоксальных коммунистов называют «несгибаемый член партии», для чего резиновый шланг вставляют в нос по самый желудок, а также почему в психушке нет зеркал – прочтите самоедские заметки Виктора Рыльского «Под сенью статуи маэстро Глюка». Этот небольшой литературный шедевр на многое откроет вам глаза. Умудрённый жизнью автор объяснит вам, с какой целью койки намертво прикрепляют к полу, почему на сливных бачках отсутствуют верёвочки и цепи и зачем на пациента при случае набрасывают одеяло.

Прочитав, вы сделаете вывод, что изучать алкоголь по романам Ремарка и прочих «потерянных поколенцев» пусть учатся жалкие европейцы. У нас есть свой классик – Виктор Рыльский. Ещё вопрос, чья слава громче – автора заметок «Москва – Петушки» Ерофеева или нашего Рыльского!

Раскройте вышеназванный рассказ, и вы убедитесь, что в обозначенную тему вряд ли кто-нибудь проникал глубже Рыльского. Ну, проникать-то, может, и проникал, но не каждый и возвращался, а самое главное – никто этого и не описал. Виктор смог. С тонким пониманием!

А у него вообще всё – с тонким пониманием. Взять, к примеру, «Итальянского зятя», – рассказ, в котором в небольшой советский посёлок приезжает дочь главного героя с мужем-итальянцем. На дворе – парадоксы конца советской власти, «сухой» закон и всевидящее око спецслужб. Описание дегустации местных напитков (от «андроповки» до самогона) иностранцем-виноделом – словесное шампанское: искристо, легко, весело!

А если о любви пишет – так тоже так, что в горле щиплет – вам ещё не попадалась «Пятница, тринадцатое»?

Его первый рассказ «О чём “Ромео и Джульетта”» был написан почти сразу набело – долго зрел, а потом выплеснулся на бумагу. Он и стал визитной карточкой автора. Потом появились другие, непохожие на первый, – с более глубоким взглядом на окружающую жизнь, а главное – на самого себя.

Когда читаешь Рыльского, радуешься слогу, вязи слов, искромётному юмору, горькой и глубокой иронии, над которыми смеёшься, смеёшься, смеёшься – и смахиваешь слезу с глаз…

И вдруг осознаёшь, что слеза эта – не от смеха…

Сегодня у Виктора день рождения. Витёк, если читаешь мои заметки, знай: помню и уважаю!

21 марта

Лето 1974-го, коридор Дома радио, что на Интернациональном переулке (ныне Святителя Иннокентия). В отделе молодёжных программ, куда я был направлен для прохождения практики, сцепились два поэта – Витя Алюшин и Стас Демидов. Хватали друг друга (оба тишайшие по жизни интеллигенты!) за грудки: один успорял, что брюсовская строка «О закрой свои бледные ноги…» – это пример высочайшей поэзии, второй – что это бездарная порнография...

Отмечаем Всемирный день поэзии!

3 апреля

Вот так – рука за руку – с Игорем Даниловичем Игнатенко я познакомился летом 1974-го, будучи на практике на областном радио, хотя заочно знал его ещё со школьных лет: выписывая «Амурский комсомолец», искал на страницах газеты стихи местных авторов – я же был в том возрасте, когда поэзия в душе не умолкает…

Однажды меня покорили его строки об уходящей в осенний день – в уныние и слякоть – любви. К этим стихам я подобрал мотивчик и мурлыкал их под гитару одноклассницам, которые, слушая, начинали красиво грустить.

И тут – вот он, живой классик! Тем летом я много стихов Игоря Даниловича прочитал – он дал мне несколько тетрадей со своими сочинениями, – сами знаете: издаться в те времена было практически невозможно.

Потом мы пересекались с ним на БАМе, где он обретался в роли собкора телерадиокомитета и находился в центре литературной БАМовской жизни. Потом мне посчастливилось работать вместе с ним на радио ГТРК «Амур», где он вёл интереснейшую авторскую программу «Стезя», – её героями были люди, без которых, скажу прямо, жизнь на нашей земле была бы скучна, однообразна, бедна, лишена мудрости и попросту не интересна!

Как он успевал писать стихи, прозу, руководить амурской писательской организацией, выступать перед хлеборобами, шахтёрами, строителями, рыбаками, пограничниками – то есть перед читателями и слушателями – уму непостижимо. Но всё успевал. Описывать его творческие достижения не буду: многие знакомы и с его поэзией, и с его прозой, ощущали покалывания на коже при исполнении капеллой «Возрождение» его стихотворного цикла «Колокола»…

К чему это я… (Ох, а ещё не сказал, что он великолепно своим завораживающим мягким го-

лосом читает стихи, коих знает многотомье! Что он интереснейший собеседник – впрочем, повторяюсь, я же говорил, что его авторская программа была очень популярна! Что юмор его искромётен и тонок!) Э-э, так к чему это?..

Да к тому, что сегодня получил от него по электронке добрые напутствия, да и порадовался! Да и подумал, а почему бы этой радостью не поделиться с вами? Правда же?

А заодно вспомнил, какую выволочку он мне, зелёному студенту, устроил за неправильное ударение в слове комбайнер.

27 апреля

Иду по промозглой улице, а на душе солнечно, и рот до ушей, и прохожие присматриваются, мол, что это я? А всё просто, только что по телефону с Николай Романычем Левченко пообщался, и говорили, понятно, не о медицине – какой из меня медик, я уколов боюсь, – а о поэзии и музах, на стихотворные строки вдохновляющих.

Недавно Николай Романович великолепную и по содержанию, и по форме книгу «Город муз» издал, посвятив её больше музам, чем городу.

Николай Романыч – он внешне такой загадочный: идёт по городу неспешной походкой, в себя углублённый, никого не замечающий – сразу видно, стихи слагает… Или думает, как перенести красками на бумагу вот этот только что выпавший снег – вечереет, снег кажется голубоватым… Ну или мысленно кого-то препарирует – даром, что ли, по специальности своей патологоанатом… И попробуй разгадай, кого в нём больше – художника, поэта или учёного-медика…

Иной раз у него всё вместе рождается, близнецами: и стихи, и иллюстрации к ним, разве что материала для вскрытия не хватает… И сдаётся мне, он любого человека мысленно препарирует, – ну или как там это в медицине называется… Задаст вопрос какой-нибудь мудрёный, спровоцирует неожиданным умозаключением, а сам будто наблюдает, какие мысли у собеседника по этому поводу возникают… Ну говорю же – патологоанатом…

Казалось бы, специальность его такова, что исключает сентиментальность, самоуглублённость, а вот поди ж ты – Николай Романович – тончайший лирик. Во всём: в своих акварелях, в графике, в поэзии и, думаю, в патологоанатомии, в науке, в которой он целый кандидат…

Впрочем, он и себя подпрепарировал. Его самоэпиграммой я и завершу свою оду Николаю Левченко:

О как земля на чудеса богата,
И чудесам конца и края нет!
Поэт в России больше чем поэт,
Он иногда ещё патологоанатом...

P.S. Всё время думаю, с чем поздравлять Николая Романыча, – то ли с днём медика, то ли с днём поэзии… Поздравлю сегодня с днём рождения!

Николай Романович! Счастлив, что вы считаете меня своим другом!

4 мая

Сегодня роман «Тыл-фронт», написанный амурским писателем Андреем Головиным и изданный в начале 60-х годов прошлого столетия, является библиографической редкостью, хотя выходил двумя изданиями с приличным тиражом в 100 тысяч экземпляров.

Автор романа был непосредственным участником событий (а речь о советско-японском противостоянии в годы Великой Отечественной), знал до тонкостей многие детали, поскольку в своё время был начальником разведшколы, участвовал в боях с Квантунской армией, и потому книга лишена фальши и ура-патриотического пафоса.

Издание романа совпало с хрущёвской оттепелью в стране, и поверивший в неё писатель продолжил своё творчество с той прямотой, на которую был способен человек, знавший о войне окопную правду. Писатель, дававший жёсткие, прямолинейные оценки происходившим событиям, не заметил, что форточка, в которую проникло немного воздуха свободы, захлопнулась, что пришли времена низкопоклонного славословия...

По свидетельствам знавших Андрея Андреевича людей, он никак не мог издать свои очередные произведения – «Амфибия-2», «Рассудите нас, люди», «Шумит тайга». Не имея возможности развернуть свой писательский дар в полную мощь, сильно пил. Согласно законодательству шестидесятых, был осуждён на три года за тунеядство. В заключении начал писать роман о порядках за колючей проволокой, что влекло постоянные конфликты с тюремным начальством.

Имя писателя было окружено множеством легенд, по большей части – негативного оттенка. Рассказывают, что, будучи в очередной раз осуждённым на 15 суток за пьянство, звонил из милиции первому секретарю обкома КПСС Авраменко с просьбой не выпускать его, иначе не допишет очередной главы – загуляет...

В прошлом сотрудник нашего музея Ольга Федотова рассказывала, что в середине девяностых в музей обращался кто-то из родственников пи-

сателя с предложением продать продолжение романа «Тыл-фронт». Но запрашиваемая сумма не устроила руководство музея.

Нигде не сохранилось ни фотографий, ни других свидетельств жизни, несомненно, большого литератора.

Неизвестна и судьба его рукописей...

Это я к тому, что в 1961 году в этот день в СССР был принят указ об усилении борьбы с тунеядством.

19 мая

В общем-то, книжка должна была называться немного по-другому, ведь писал же её Леонид Завальнюк про меня, а не про какого-то Родьку, но вечно они, эти писатели, что-нибудь поназапутывают, всё-то они каким-то «художественным вымыслом» объясняют. И получилось, что в главном герое самой благовещенской повести «Дневник Родьки – "трудного" человека» каждый читающий узнаёт себя.

И узнаёт тот, ещё совсем малоэтажный, немного запылённый, такой маленький и такой провинциально-родной Благовещенск.

Завальнюковская повесть была написана в начале шестидесятых, а будто про сегодняшний день. Потому что проблемы и ценности названы вечные: верность, любовь, дружба, отцы и дети, становление… Потому что – про нас.

Кстати, а в чём «трудность» Родьки? Обыкновенный парнишка – не хулиган, не балбес-двоечник… Да ещё и симпатяга-юморист. В общем, точно, про меня повесть, о чём я однажды и сказал Леониду Андреевичу, на что ответил он, что вообще-то – про себя писал. И про соседа. А потом улыбнулся и сказал, что, конечно же, и про меня.

…Завальнюковские стихи открылись мне много позже, и это понятно: они не попсовые, над ними надо думать, – а кто ж в наш суетливый век находит на это время?! У его стихов зачастую сложное построение, ломающийся ритм – но не в этом трудность: они как айсберг, где самое основное – спрятано от поверхностного взгляда под аллегориями, скрыто подтекстом, зашифровано метафорой. Он – не «всехный». Но смог потихоньку (смешливо прищуриваясь) завоевать верных читателей.

А кстати, стал бы он большим поэтом, если б не служба в армии на Дальнем Востоке, работа в Амурском издательстве, встреча с легендарным редактором-литературоведом Марком Гофманом? Если б не наш прокалённый летним солнцем и зимними морозами Благовещенск?

Безусловно, стал бы! (Мысленно тут же ставлю знак вопроса.) Но только тогда бы точно не было книги про меня, не было бы трогательной поэмы «Осень в Благовещенске», а его стихи не шуршали бы осенними листьями, и щемяще звенящая тоска не была бы столь высокой…

Листаю книгу с его автографом. Подписана к печати 19 мая 1974-го.

14 июня

Врезался в память такой эпизод: Володя Илюшин пришёл ко мне уже поздно вечером; расположились на кухне, чай, колбаса, то-сё… И он рассказывал, что хотел бы написать роман о староверах, – так сложилось, он некоторое время прожил в староверской деревне (живо описывал крепких парней, тугих красивых девок, вынужденных нецелованными вековать: глава общины запрещает на сторону, на чужеверцев глядеть) – но тут же и размышлял о том, что никому этот роман не нужен, как не нужен и он сам. В мыслях своих растрёпан был донельзя, чувствовался некий душевный разлад, что, впрочем, было для него характерно всегда. У него тогда не складывалось ни с работой, ни с жильём, что-то у них произошло с писателем Борисом Черных, на тот момент уже осевшим в Благовещенске и выпускавшим газету «Русский берег», – Володя жаловался, что Борис Иванович вызвал его из Хабаровска, наобещал с три короба, а в результате…

А в результате пришлось скитаться по знакомым и приятелям, выручал, слава богу, брат, но с работой был полный швах.

В газетах он подолгу не задерживался, и это объяснимо: там дисциплина, требование выдавать на-гора определённое количество строк («гнать строку», как говаривали в те времена). А Володя был не строчкогоном. Он был писателем.

Так я – об эпизоде.

Повествуя о быте староверов, Володя вдруг замолчал. Вдруг! На середине предложения!

Смотрю, а он спит! Его нет! И так продолжалось минуты три-четыре. Я молчу, боюсь пошевелиться, а он спит.

И вот очнулся – и продолжил рассказывать ровно с того места, на котором вывалился из действительности.

Вымотан был окончательно.

Ночевать не остался, как я ни уговаривал. Ушёл в ночь.

Потом опять уехал в Хабаровск и там умер. В сорок с небольшим.

А писателем был – не побоюсь сказать, – рос-

сийского уровня. Но самого главного своего произведения написать не успел.

Владимиру Илюшину, у которого сегодня день рождения, посвящено несколько литературоведческих статей. Но лучше всех – интересно и по-человечески тепло – написал о нём журналист Александр Табунов. Не поленитесь, найдите его очерк на просторах интернета. Поможет понять масштаб Володи Илюшина.

13 июля

Наверное, только поэты могут увидеть свет, который исходит от запылённой степной травы – ковыля, только люди с обострённым чувством прекрасного, – те, кто в самой обычной прозе жизни могут увидеть ростки лирики и музыку стиха. Именно так – «Свет ковыля» – назывался сборник стихов амурского поэта Виктора Алюшина. Их всего-то было три – небольших тоненьких тетрадочки – изумительно чистых, свежих, прозрачных стихов, наполненных негромкой любовью к родимой сторонке.

Плоть слова Алюшина настолько чувственна, что невольно начинаешь отдуваться от жары, когда читаешь такие строки:

Увязнув в жёлтом иле,
Невдалеке от нас
Коровы воду пили,
Похожую на квас.

Правда, осязаемо?

Проработав большую часть своей жизни на областном радио, Виктор Алюшин избегал участия в кулуарных междоусобицах, держался на отшибе в литературной среде, был всегда удивительно тих и застенчив, работу свою, будучи редактором программы для воинов, уважал, и именно благодаря его подвижничеству она долго оставалась в прямом и переносном смысле в боевом строю передач ГТРК «Амур».

Новые условия хозяйствования, нежелание прежнего руководства телерадиокомпании защищать тех, кто ковал её славу, обусловили закрытие воинской радиопрограммы. Виктор Алюшин был до срока отправлен на пенсию, с чем и смирился, будучи совершенно не способным бороться лично за себя. Обидами ни с кем не делился, спрятав боль глубоко в себе.

Он и ушёл так же незаметно, как и жил, – вдруг пронеслось: «Слышали? Алюшин умер»…

Своим почитателям, поклонникам хорошей литературы, он оставил немало душевных, трогательных строчек, среди которых и такие:

Ночь – синева –
звонкая тишь!
Тишь такова –
Словно летишь.
Синим огнём
Озаряя карниз,
Звёздные призраки
Падают вниз.
А под обрывом
Вода, как слюда:
Речка струится...
Откуда? Куда?
– Речка, откуда?
– У леших спроси,
Если остались
Они на Руси.

А «Свет ковыля» он подписал мне как раз 13 июля.

15 июля

Ну да, я, конечно, как и положено, согласно возрасту и иерархическому положению, постоянно брюзжу, постоянно высказываю некие сомнения, недовольства, пытаюсь делать замечания, которые никто и не слушает, а если и слушает, то не прислушивается, а если и прислушивается, то всё едино не спешит следовать в русле исправления отмеченных неувязок, но это я так, внешне, больше для того, чтобы показать: мол, не оставляем без внимания… Хотя нужно им это внимание… Им – это ребятам из молодёжного амурского литературного объединения (сокращённо МАЛО), которое создано при нашем местном отделении Союза писателей России. Они и сами с усами… А Андрей Коваленко, их лидер, так и вообще с бородой!

Они организовывают онлайн-квартирники, собирая в кучу большущую компанию сообщников-единомышленников со всех концов страны – читают собственные творения, тут же обсуждают их, тут же делятся планами и творческими замыслами. Они побывали на большой молодёжной творческой тусовке (правда, не все) в Москве, которую провели российские литературные мэтры. Они выходят в прямые эфиры в соцсетях, являя на суд зрителей свои опусы. Они издают альманах-газету «Неонлайн» (чёрт его знает, что за название, но они так решили – и пусть будет так), где публикуют свои новинки (заметьте, ежемесячно! А это не хухры-мухры! Это труд!). Они привлекают к выпуску ещё и молодых художников, что вообще расширяет их творческие возможности и горизонты. Они уже через неделю начнут поэти-

ческие встречи у памятника поэту и врачу Олегу Маслову. Они уже объездили (за свои, заметьте, деньги!) чуть ли не всю область, встречаясь с любителями книги в библиотеках городов и районов. Они…

Они – это классные ребята, болеющие литературным творчеством, пишущие стихи и прозу, с которыми легко, уютно, интересно, от которых подпитываешься, как от батарейки, и которых я люблю, ценю и уважаю за их неуспокоенность, за их шебутность и просто так.

Я, конечно, как и положено, согласно возрасту и иерархическому положению, постоянно брюзжу, постоянно, что-то высказываю…

Но они знают, что я это – любя.

А публикую в календаре потому, что сегодня Всемирный день навыков молодёжи.

20 сентября

Под честное слово дал мне почитать Владислав Лецик альманах «Приамурье» за 1957 год: раритет, такого сегодня и у библиофилов-то не найти… Лецик прям расщедрился: на, мол, изучи «Потомков ланцепупов» Дмитрия Фёдорова…

Начал читать – не оторваться: самая что ни на есть сатира на сегодняшний день! И как писателя на Колыму не сослали?! Впрочем, жизнь многим отравили за эту публикацию: и редактору Марку Либеровичу Гофману по партийной линии вредительство пришили, и самому автору творческий кислород перекрыли, и альманах «Приамурье» закрыли за безыдейность – шутка ли: повесть попала в записку минкульта СССР в ЦК КПСС как «идейно-порочное произведение, извращённо показывающее советскую действительность»! А это, считай, расстрельная статья!

Много интересного узнал я из того затрёпанного, потёртого руками многих читателей альманаха «Приамурье»! Он через несколько лет после расправы возродился под немного другим названием – «Приамурье моё», но суть его осталась прежней: амурские авторы представляли в нём на суд читателей своё творчество. Проза, поэзия, публицистика, воспоминания, ноты песен, репродукции работ художников…

В разные годы – Б. Машук, Н. Фотьев, В. Илюшин, Гр. Федосеев… Кстати, о Федосееве: его небольшую повесть «Меченый» нашёл в сборнике более чем сорокалетней давности – и... одним глотком! Прекрасная (и жутковатая, и грустная) повесть о жизни волка! С таким интересом разве что лондоновский «Белый клык» был в детстве прочитан…

Я эти сборники теперь со всей страны собираю – через букинистов. В Благовещенске – не найти: разлетелись книги!

Они чем интересны… Они о нас. О нашей жизни, о нашей природе, о понятных нам заботах. Они – отражение всего того, что происходит с нами и вокруг нас. Это история нашей области, только написанная не как учебник.

Завтра к Лецику пойду: и тот самый раритет нужно вернуть, – слово давал, и разведаю, что будет в следующем сборнике, который Владислав Григорьевич – самый главный редактор и безжалостная гроза местных писателей – готовит к изданию. А выйдет – не упущу.

А то ищи потом по всей стране, да?

70 лет назад был подписан к печати первый номер «Приамурья».